

Откуда мы можем знать, что мы все
не обманщики?

*Жак Лакан.
Четыре основные понятия
психоанализа*

ПРОЛОГ

Бум, бум, бум. Грохот разносился по всей улице. Странно, что соседи не начинали возмущаться. Вернее, не делали этого активнее и яростнее. Сама Джина ни за что не стала бы терпеть подобное, в особенности когда на всю мощь орет такая отвратительная музыка. Она знала, что, как только войдет в дом, ей придется подняться наверх и, стараясь перекричать дикий шум, сказать Джошу, чтобы он сделал свою музыку потише. А еще она знала, что он посмотрит на нее, как смотрят все подростки, — так, будто пытаются понять, кто ты такая, и что дает тебе право их беспокоить, и что, черт дери, случилось с твоей жизнью, и почему ты стала такой старой занудой. Впрочем, Джош, по сути, хороший сын, поэтому он закатит глаза и слегка убавит звук на стереосистеме. Но постепенно музыка будет становиться все громче и через полчаса завопит еще сильнее, чем прежде.

Обычно разборками с ним занимается Билл — если не прячется в подвале со своими железками, — но сегодня он отправился на встречу с факультетскими коллегами. И отлично. Потому что Билл удовлетворит свою любовь к боулингу без участия Джинны, которая это дурацкое занятие терпеть не могла, а еще потому, что он очень редко выходит из дома. Раза два в месяц они ужинали где-нибудь вдвоем, но в этом году он почти все дни исчезает после обеда внизу с гаечным ключом в руке и с довольным выражением на лице. Какое-то время из подвала доносились

странные глухие звуки, которые отдавались низким гудением во всем теле, но, к счастью, это прекратилось. Мужчине полезно время от времени уходить из дома и встречаться с другими мужчинами, хотя Пит Чен и Джерри Джонсон самые чокнутые придурки из всех, каких Джине довелось встретить за свою жизнь, — она даже представить себе не могла, что они мухлюют в боулинге, выпивают или делают хотя бы что-нибудь, не имеющее отношения к «Юниксу» или паяльнику.

Кроме того, так она могла немного пожить для себя, а это просто замечательно — вне зависимости от того, как сильно ты любишь своего мужа. Джина собиралась посидеть пару часиков перед телевизором и посмотреть то, что захочется ей, — к чертям собачьим научно-популярные каналы. В качестве подготовки к «вечеру свободы» она зашла в дорогой супермаркет на Бродвее, купила кое-что на неделю и немного вкусок для себя — на вечер.

Когда Джина открыла входную дверь, на нее хлынул поток еще более оглушительного рева. Ей стало интересно, приходило ли когда-нибудь Джошу в голову, что его скучная мамаша когда-то тоже развлекалась по полной. Что перед тем, как она влюбилась в молодого преподавателя физики Билла Андерсона и начала вести счастливую жизнь домохозяйки, она частенько болталась по темным переулкам в окрестностях аэропорта Сиэтл-Такома, обожала громкую музыку, пила дешевое пиво и не раз просыпалась с такой головной болью, как будто кто-то колошматит ее по затылку молотком, а то и двумя. Что она отплясывала под «Перл Джем»¹, «Айдиал Мосолиум»² и «Нирвану» в те времена, когда они были всего лишь местными знаменитостями, язвительными и голодными, а не умирающими

¹ «Pearl Jam» — рок-группа из Сиэтла (штат Вашингтон), образована в 1990 году.

² Следов существования группы «Ideal Mausoleum» обнаружить не удалось. Вероятно, выдумка автора.

ми звездами с пустыми лицами, — особенно в ту летнюю ночь, когда они все дружно решили заняться серфингом, ее отчаянно тошнило, потом ее уронили головой вниз, но закончилось все вполне успешно в сыром, пропахшем наркотой туалете с каким-то парнем, которого она не встречала ни до того, ни после.

Скорее всего, такое ее сыну в голову не приходит. Она улыбнулась своим мыслям.

Вот вам и доказательство того, что дети знают далеко не все.

Через час Джина решила, что с нее достаточно. Громкая музыка ей почти не мешала, пока она смотрела телевизор краем глаза, да и звук стал на некоторое время немного потише, — видимо, Джош делал уроки, и она испытала невероятное облегчение. Но пронзительные вопли снова набирали силу, а через десять минут начинался повтор серии «Западного крыла», которую она пропустила. А чтобы следить за тем, что происходит у этих парней из Белого дома, говорящих со скоростью пулемета, нужно иметь свежую голову, тишину и покой. Кроме того, было начало десятого, а это уже не шутки.

Джина заорала, подняв голову к потолку (комната Джоша находилась прямо над ней), но, судя по всему, старалась зря. Тяжело вздохнув, она поставила изрядно опустевшую тарелку на кофейный столик и встала с дивана. Медленно поднялась по лестнице, чувствуя, как ей мешает идти стена шума, и принялась колотить в дверь сына.

Довольно быстро ей открыл тощий паренек с чудной прической. На какое-то мгновение Джина его даже не узнала. Перед ней стоял не мальчик, ничего подобного, — она вдруг поняла, что они с Биллом живут в одном доме с молодым мужчиной.

— Милый, — сказала она, — я не хочу критиковать твои предпочтения, но нет ли у тебя чего-нибудь более

похожего на музыку, раз уж ты решил включить ее так громко?

— Чего?

— *Сделай потише.*

Он криво ухмыльнулся и вернулся в комнату, чтобы убавить звук. Шум уменьшился вполовину, и Джина осмелилась войти. Она вдруг сообразила, как давно не была здесь одновременно с сыном. Когда-то они с Биллом не один час просиживали на этом полу, наблюдая за тем, как их малыш ковыляет на неуверенных ножках по комнате и с победным «га!» приносит им разные вещицы, а они восхищаются волшебством, происходящим у них на глазах. Потом они укладывали Джоша в кровать и читали ему сказку, иногда две или даже три, а годами позже помогали сыну с домашними заданиями, решали вместе задачки по математике.

Но с прошлого года правила изменились. Теперь она заходила сюда одна, убрать кровать или сложить футболки в стопку. Она делала все быстро и не задерживалась ни на одну лишнюю минуту, потому что слишком хорошо помнила свою юность и уважала личное пространство сына.

Среди хаоса раскиданной повсюду одежды, футляров от дисков и останков по крайней мере одного разобранного на составляющие компьютера она заметила признаки того, что он делал уроки.

— Как дела?

Джош пожал плечами. Она помнила, что он сражается с французским.

— Нормально, — добавил он.

— Хорошо. А кого ты слушаешь?

Джош едва заметно покраснел, словно его мамочка задала неприличный вопрос.

— Стью Резни, — с вызовом ответил он. — Он...

— Был ударником в «Фэллоу». Я знаю. Слушала их в «Астории». До того, как они распались. Он был так истощен, что свалился со своего стула.

Она еле сдержала улыбку, когда увидела, что от удивления у ее сына брови поползли вверх.

— Ты не мог бы сделать звук потише, хотя бы на время, милый? Я хочу посмотреть телевизор. Кроме того, прохожие на улице едва передвигают ноги и зажимают руками кровоточащие уши, а тебе прекрасно известно, как плохо это влияет на стоимость недвижимости.

— Конечно, — сказал он с открытой улыбкой. — Извини.

— Ничего страшного, — ответила она.

«Надеюсь, у него в жизни все будет просто замечательно», — подумала она.

Он был хорошим мальчиком, вежливым, немного ленивым, но тем не менее делал почти все, что положено, по дому или по учебе — рано или поздно. Без малейшего намека на эгоизм Джина считала, что характер сына — заслуга не только мужа, многое он взял от нее. Этот молодой человек много времени проводил в одиночестве и редко выглядел более счастливым, чем когда что-нибудь разбирал, а потом собирал. Все это, конечно, хорошо, но она надеялась, что пройдет совсем немного времени, прежде чем она заметит у него признаки первого похмелья, — мужчина не может жить только возней со всякими железками, даже в наши странные времена.

— Чуть позже, — сказала она себе, надеясь, что это прозвучит сколько-нибудь убедительно.

В дверь позвонили.

Быстро спускаясь по лестнице, Джина услышала, что музыка стала тише, и улыбнулась. Когда она открыла дверь, на ее лице еще оставалось довольное выражение.

Снаружи было темно, и фонари на углу отбрасывали оранжевый свет на листья, устилавшие тротуар и лужайку. Ветер резвился среди тех, что еще оставались на деревьях, и они, кружась, падали на землю и уносились к перекрестку.

У двери стоял человек, высокий, в длинном темном пальто.

— Слушаю вас, — сказала Джина.

Она включила на крыльце свет и увидела мужчину за пятьдесят, с короткими темными волосами, землистой кожей и плоским лицом. Его глаза тоже казались темными, почти черными, и в них не было глубины, словно кто-то нарисовал их прямо на лице.

— Я ищущ Уильяма Андерсона, — сказал он.

— Его сейчас нет. А вы кто?

— Агент Шеперд, ФБР, — ответил мужчина и закашлялся. — Вы не против, если я войду?

Джина была против, но он поднялся на крыльцо и, обойдя ее, вошел в дом.

— Секундочку, приятель, — сказала она, оставив дверь открытой и следуя за ним. — Могу я взглянуть на ваши документы?

Мужчина достал бумажник и открыл его, даже не потрудившись посмотреть в ее сторону. Вместо этого он принялся внимательно разглядывать комнату, затем поднял голову к потолку.

— В чем дело? — спросила Джина.

Она успела разглядеть три заглавные буквы, но ей совсем не нравилось, что у нее в доме появился настоящий живой федерал.

— Мне нужно поговорить с вашим мужем, — ответил мужчина, и его спокойный, уверенный голос делал ситуацию еще более абсурдной.

Джина уперла руки в бока. В конце концов, это был ее дом.

— Я уже сказала, что его нет.

Мужчина повернулся к ней, и его глаза, казавшиеся мертвыми и ничего не выражающими, начали оживать.

— Да, сказали, и я вас слышал. Я хочу знать, где он. И еще мне нужно осмотреть дом.

— А вот это вряд ли. Не знаю, что вам тут надо, но...

Он вскинул руку так быстро, что она даже не заметила его движения, только почувствовала, как нижней челюсть будто зажало клещами.

Джина была настолько потрясена, что не произнесла ни звука, когда он начал медленно подтаскивать ее к себе. А потом она закричала — сказать что-то внятно мешала вцепившаяся в челюсть рука.

— Где? — спросил он по-деловому, почти скучающим тоном.

Джина понятия не имела, о чем он ее спрашивает. Она попыталась вырваться, сначала била его кулаками, потом принялась лягаться и трясти головой. Он терпел это примерно секунду, а потом занес свободную руку и ударил Джину по голове. В ушах зазвенело — словно по земле покатила крышка от колеса, и Джина чуть не упала, но он удержал ее, дернув за челюсть с такой силой, что казалось, сейчас ее оторвет.

— Я все равно найду, — сказал он и дал ей пощечину. — Но вы можете сэкономить нам обоим время — и облегчить жизнь. Где это? Где он работает?

— Я... не...

— Мама?

Джина и мужчина повернулись одновременно и увидели Джоша на нижней ступеньке лестницы. Он хмурился, его глаза испуганно моргали.

— Отпустите мою маму.

Джина попыталась сказать Джошу, чтобы он возвращался назад, наверх, и как можно быстрее, но вместо слов с ее губ срывался лишь отчаянный, беспомощный стон. Мужчина засунул руку в карман плаща и начал что-то оттуда доставать.

Джош спрыгнул с лестницы и помчался через гостиную.

— Отпустите мою...

Джина успела подумать, что она ошиблась и ее сын еще вовсе не мужчина, а маленький мальчик, просто он сильно

вырос, стал худощавым, и в эту секунду агент выстрелил ему в лицо.

Она дико закричала или попыталась закричать, а мужчина тихо выругался и, волоча ее за собой, прошел к входной двери, которую быстро захлопнул.

Затем он снова втоптал ее в комнату, где сын лежал на полу, и она увидела, как дергается его рука и нога. У Джинны застило глаза, от ужаса она начала заикаться. Мужчина ударил ее в челюсть, и Джина отключилась.

Прошла секунда, а может, несколько минут.

В конце концов Джина пришла в себя и поняла, что лежит на полу, опираясь головой в сиденье дивана, на котором несколько минут назад она так уютно устроилась перед телевизором. Тарелка с едой лежала, перевернутая, на расстоянии вытянутой руки. Челюсть как-то странно висела, и ею нельзя было пошевелить. А еще казалось, будто в уши кто-то вонзил длинные ногти.

Мужчина в плаще сидел на корточках рядом с Джошем, чья правая рука все еще шевелилась, медленно прокладывая дорожки в луже крови, которая текла из его головы.

Джина почувствовала запах бензина. Мужчина закончил выливать на ее сына содержимое маленькой жестяной канистры, бросил ее на тело и выпрямился.

— Последний шанс, — сказал он, взглянув на Джину. На лбу у него выступили капли пота, хотя в доме не было жарко. В одной руке он держал зажигалку, в другой — пистолет.

— Где?

Он щелкнул зажигалкой и занес над Джошем, глядя Джине в глаза, но она знала, что в любом случае уже может считать себя покойницей.

ЧАСТЬ I

Худшая из опасностей — потеря своего Я — может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось. Ничто не вызывает меньше шума, никакая другая потеря — ноги, состояния, женщины и тому подобного — не замечается столь мало.

Сёрен Кьеркегор. Болезнь к смерти.

Перевод С. А. Исаева

ГЛАВА 1

В средней школе я знал одну девочку, ее звали Донна, и даже это было в ней неправильно, словно в роддоме ее подменили. Она не была Донной. По крайней мере, в этом мире. При взгляде на нее возникало ощущение, что у Вселенной есть свой скрытый ритм, и вы понимали это именно из-за того, что Донна в него не попадала. Она ходила чуть быстрее, чем нужно, поворачивала голову чуть медленнее, чем нужно. Казалось, будто она принадлежит к иному, не совсем нашему миру. Она была из тех детей, которых видишь с кучей книг в руках или стоящих робко с другими ребятами, о чьем существовании ты даже и не подозревал. У нее имелись друзья, она была неглупой и хорошо училась — в общем, не была неудачницей в обычном понимании этого слова. Просто оставалась незаметной.

Как во всех школах, у нас имелся собственный стандарт красоты, и Донна в него не укладывалась. У нее была бледная кожа и тонкие безупречные черты лица, если не считать полукруглого шрама у правого глаза — наверное, ударилась о край стола, когда еще только училась ходить. Если вы вдруг встречались с ее ясными темно-серыми глазами, только тут вы неожиданно замечали ее существование — и начинали спрашивать себя, а была ли она здесь до того. Немного худая, но очень славная и милая во всем остальном, вот только каким-то непостижимым образом... никакая. Словно ее тело не выделяло феромонов либо ее сексуальные флюиды действовали на другой, недоступной

длине волны, передавая сигналы устаревшим или еще не изобретенным приемникам.

И тем не менее я считал ее привлекательной, хотя не смог бы объяснить почему. Так что я заметил, что вроде бы она околачивалась неподалеку от парня по имени Гэри Фишер. Он был из тех, кто ходил по коридорам словно под пение фанфар. Из-за таких любой, кто прошел через американскую школьную систему, слабо верит в философию всеобщего равенства. Он отлично играл в футбол и теннис. Входил в состав баскетбольной команды. И естественно, был красавчиком. Когда Бог посылает кому-то спортивный дар, он не забывает и о яркой упаковке. Фишер не был похож на актеров, которых мы сейчас видим в фильмах для подростков, божественно неотразимых, со слащавым личиком, но в те дни, когда все мы каждое утро с отвращением смотрели в зеркало, пытаясь понять, что же такое с нами случилось и изменится ли оно к лучшему или к худшему, он выглядел как надо.

Как ни странно, при всем при этом он не был полным козлом. Я его немного знал, мы встречались на стадионе — у меня был небольшой талант в том, что касалось швыряния предметов на расстояние. Из разговоров на стадионе мне стало известно, что в высших кругах произошла перегруппировка сил, которая главным образом заключалась в том, что девчонка Гэри, Николь, начала встречаться с его другом в результате добровольной передачи имущества одного владельца другому. Не нужно было обладать особой наблюдательностью в области общественной жизни, чтобы увидеть, какой конкурс образовался на открывшуюся вакансию.

Но самым интересным оказалось то, что Донна тоже решила принять участие в этой гонке, более того — с надеждой на победу. Словно получила откуда-то секретные данные о том, что система отбора — это чистой воды иллюзия и иногда можно вставить квадратный колышек

в круглую ямку. Она, разумеется, не могла сидеть с ним за одним столом во время обеда, но постоянно оказывалась в поле зрения Гэри, «случайно» налетала на него в коридорах и нервно хихикала. Я даже видел ее пару раз в пятницу в пиццерии «У клевого Боба», где народ любил собираться в начале выходных. Она останавливалась около столика, за которым сидел Фишер, и говорила что-нибудь про уроки или домашнее задание, но ее замечание встречало лишь молчание. Затем она отходила, нарочито медленно, как будто ждала, что ее окликнут. Однако ничего такого ни разу не произошло. Если не считать того, что Фишер слегка удивлялся, он вряд ли замечал, что происходит. Через пару недель в какой-то позолоченной задней комнате — или, скорее всего, на заднем сиденье позолоченной машины — была заключена сделка, и однажды утром Гэри увидели в обществе Кортни Уиллис, роскошной блондинки, будто сошедшей со страниц глянцевого журнала. Жизнь продолжалась.

Для большинства из нас.

Два дня спустя Донну нашли в ванне в доме ее родителей. Она аккуратно, всего лишь со второй попытки, вскрыла себе вены. Я много раз слышал, как взрослые говорили, что это был не самый быстрый способ покончить с собой. Хотя она ускорила процесс, воткнув маникюрные ножницы себе в правый глаз — как будто ее шрам был предзнаменованием того, что должно было с ней случиться. На полу лежало написанное от руки письмо, адресованное Гэри Фишеру, буквы размыла вода, перелившаяся через край ванны. Многие потом утверждали, что видели это письмо или его фотокопию либо слышали, как кто-то рассказывал о его содержании. Но насколько мне известно, все это неправда.

Новость распространилась невероятно быстро. Народ проделал все необходимое, от плача до молитв, но не думаю, что кого-то из нас смерть Донны потрясла по-насто-

ящему. Лично я не был удивлен и не особенно переживал о случившемся. Звучит ужасно жестоко, но, по правде говоря, произошедшее выглядело вполне логично. Донна была очень странной девочкой.

Странная девочка, дурацкая смерть. Конец истории.

Для большинства из нас. Однако Гэри Фишер отреагировал не так, как остальные, и тогда меня это сильно поразило. В те времена все казалось новым и необычным, любая мелочь делалась событием в нашей еще толком не начавшейся жизни. Стоило кому-нибудь из одноклассников сделать что-то крутое, и он становился местным Клинтон Иствудом. Прошлогодняя вечеринка обретала статус легенды, награждая ее участников прозвищами на всю оставшуюся жизнь. А когда кому-то удавалось прорваться в дальний угол левого поля — это было историческое событие.

В следующий понедельник мы узнали, что Фишер бросил команду. Все команды. Он стоял и молча слушал, как на него кричат тренеры, а потом просто взял и ушел. Возможно, в наше время такой поступок мог бы принести определенную славу, но не в восьмидесятых и не в городке, где я вырос. Его решение вызвало недоумение и вывело всех из равновесия — Золотой Мальчик, Который Все Бросил. Теперь его видели около школы лишь шагавшим из библиотеки на занятия, как будто он занял место Донны. Фишер старательно учился. Очень много. За несколько следующих месяцев его средний балл вырос, сначала чуть-чуть, потом значительно. Из ученика, получавшего посредственные оценки — причем некоторые из них благодаря спортивным достижениям, — он стал хорошистом, а затем отличником. Возможно, ему дома помогали родители, но я в этом сомневаюсь. Мне кажется, он, образно говоря, решил поменять беговую дорожку — стать другим человеком. В конце концов он начал появляться только на

уроках. Остальные относились к нему с опаской. Никто не хотел подходить слишком близко: а вдруг безумие заразно?

Впрочем, однажды ближе к вечеру я встретился с ним на стадионе, где после того, как вся команда разошлась, он тренировался, готовясь к самому последнему нашему соревнованию. Я оставался вроде как для того, чтобы отрабатывать метание копья, но на самом деле мне просто нравился пустой стадион. Я провел здесь много времени, и до меня вдруг начало доходить, что некоторые вещи иногда заканчиваются. Когда я приготовился бросить копье, в дальнем конце стадиона появился какой-то человек, и через некоторое время я узнал в нем Гэри Фишера.

Он бродил по стадиону без цели. Перед тем как прекратить тренировки, Фишер был нашим лучшим спринтером и, возможно, пришел сюда по той же причине, что и я. Вскоре он остановился в нескольких метрах от меня и некоторое время наблюдал. Наконец он заговорил:

— Как дела?

— Нормально, — ответил я. — Но победа мне не светит.

— Почему?

Я объяснил ему, что в другой школе объявился парень, который не только хорошо бросает копье, но ему еще и не все равно. Что после того, как я перестал одерживать легкие победы, мой интерес к этому виду спорта подувал. Не именно этими словами, но суть была такова.

— Ничего нельзя знать наверняка, — сказал он, пожав плечами. — Может быть, пятница станет твоим звездным днем. Соberись и победи.

И вдруг я понял, что мне *не* все равно. Возможно, я все-таки смогу победить — в последний раз. Фишер еще немного постоял, глядя на беговые дорожки, словно хотел услышать топот когда-то бежавших по ним ног.

— Она была чужой здесь, — неожиданно сказал я.

Казалось, он не услышал, но затем он медленно повернул голову.

— Ты о чем?

— О Донне, — ответил я. — На самом деле она никогда... не вписывалась, понимаешь? Как будто просто сняла здесь место на время.

Он нахмурился, и я продолжил:

— Это было, как... как будто она знала, что у нее, скорее всего, ничего не получится. Словно она пришла в мир и знала, что счастливый конец не для нее. Поэтому она поставила все фишки на один цвет. Но вместо черного выпал красный, и она отошла от стола.

Я ничего не придумывал заранее, но был горд своей речью. В моих словах содержался глубокий смысл, или мне так казалось — когда тебе восемнадцать, это почти одно и то же.

Фишер мгновение смотрел в землю, а потом едва заметно кивнул:

— Спасибо.

Я кивнул в ответ, потому что все слова у меня закончились, и запрыгал на месте, готовясь к броску. Возможно, я решил покрасоваться, надеясь произвести впечатление на Гэри Фишера, того, каким он был полтора года назад. В итоге я слишком сильно отвел назад руку, на среднем пальце у меня открылся старый порез, и копьё упало у моих ног.

Школа подошла к концу. Как и все, я был слишком занят выпускным и прочими гулянками, чтобы обращать внимание на тех, кого не слишком хорошо знал. Экзамены, дискотеки — все промчалось, и детство осталось в прошлом. И вот — бабах: ты в реальном мире, и у тебя такое ощущение, будто ты должен сдать супертрудный экзамен, к которому не готовился. Иногда оно появляется у меня и сейчас. Мне кажется, я ни разу не слышал тем летом имя

Фишера, а затем я уехал из города в колледж. Пару лет я время от времени вспоминал о Гэри, но в конце концов он исчез из моей памяти, как и множество других вещей и событий, не имевших отношения к моей нынешней жизни.

И потому я оказался совершенно не готов к встрече двадцать лет спустя, когда он объявился на пороге моего дома и заговорил так, словно мы виделись только вчера.

Я сидел за своим письменным столом, пытался работать, но терпеливый наблюдатель выяснил бы, что я по большей части смотрел в окно, изредка бросая взгляды на монитор компьютера. В доме царила тишина, и, когда зазвонил телефон, от неожиданности я подскочил в кресле.

Я потянулся к трубке, немного удивившись, что Эми позвонила по городскому, а не на мобильный, но не более того. Разговор с женой был поводом прервать работу. А потом я смогу сварить кофе и выкурить на веранде сигарету. Так пройдет время. И наступит завтра.

— Привет, детка, — сказал я. — Какие новости с корпоративного фронта?

— Это Джек? Джек Уолен?

Мужской голос.

— Да, — ответил я, выпрямившись в кресле, весь внимание. — Кто это?

— Ты сидишь, дружище? Это Гэри Фишер.

Имя показалось мне знакомым, но у меня ушла целая секунда на то, чтобы преодолеть наслоения прошедших лет. Имена из прошлого — все равно что улицы, по которым ты давно не ездил. Не сразу вспоминаешь, куда они ведут.

— Ты меня слышишь?

— Да, — ответил я. — Просто я удивился. Гэри Фишер? Это и правда ты?

— Так меня зовут, — сказал он и рассмеялся. — Неужели я бы стал врать.